

Тогда лети

Оксана Ююкина

Оксана Ююкина

Тогда лети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69639385

SelfPub; 2023

Аннотация

Архейн всегда мечтал об одном – завалить экзамены и быть отчисленным. Архейн всегда занимал первые строчки учебного рейтинга. Последний экзамен и последний шанс на спасение жизни того, чье место Архейн занял с помощью обмана и лжи. Напечатан в сборнике "Иные миры"

Оксана Ююкина

Тогда лети

«Цель на восьми часах сверху», – спокойный голос звучит из приемника где-то слева. Архейн сосредоточенно кивает, будто собеседник может видеть сквозь защитное стекло и стену кабины.

– Докладывай нормально.

«Трое: вторая, пятая и восьмая ось», – тцывает Верхайн.

– Глаза не закатывай, – усмехается Архейн, продолжая молотить пальцами по кнопкам и рычажкам.

«Когда здесь камеру поставили?!» – возмущенно шипит приемник.

С тихим шорохом спускового крючка одна из вражеских целей пропадает с радара.

– Мне не нужно видеть, чтобы знать, – самодовольно фыркает Архейн, краем глаза проверяя работу своего стрелка. Не то чтобы он не доверял, но...

– Ошибка! Через семь секунд экран будет отключен, – ласковый голос системы разносит предупреждение по шаттлу. Если бы система звучала как робот с Земли, ее хотелось бы взорвать чуточку меньше.

«Твой дивизион, да сколько можно?!» – первым возмущается Верхайн.

– Переворот через три, два, один, – меланхолично отсчи-

тывает Архейн, выворачивая штурвал одновременно с нажатием нескольких кнопок.

– Экран отключен, – жизнерадостно сообщает система под шепот проклятий из приемника.

Архейн поджимает губы, ныряет в облака, пытаясь увернуться от чужих ракет. Точный выстрел Верхайна уничтожает еще одного преследователя. Вирази следуют один за другим, давят на легкие и глаза, но Архейн продолжает вести шаттл уверенно и точно. Из облака в облако, от одного снаряда и от другого. Какое-то время они работают молча, ритмично предсказывая действия противника и друг друга.

«Вниз на три цзи», – просит Верхайн, вызывая у Архейна головную боль.

– Высунемся.

«Отстреляемся!»

Архейн тцыкает, но все же выполняет нужный маневр, торопливо отсчитывая секунды, чтобы не превысить допустимый лимит мерцания.

«Есть!» – кричит Верхайн и одновременно с этим исчезает последняя цель с радара.

– Хорошая работа, – бросает Архейн, плавно ныряя шаттлом в белоснежную туманность.

Пилот и стрелок выдыхают в унисон. Дальше проблем быть не должно и их ожидает совершенно мирный пролет. По крайней мере, им хочется в это верить.

– Ошибка! Левый движитель откажет через десять секунд.

– Да чтоб ты поржавела и создатели твои три дня поносом мучились! – рычит Архейн под хохот из приемника.

«Тебя ругаться бабуля учила?»

Архейн не отвечает, выжимая максимум скорости, чтобы успеть проскочить безоблачную часть неба боком. Правая рука безостановочно печатает всеми семью пальцами, активируя режим мимикрирования. Мучительные двенадцать секунд полета Архейн не прекращает тарабанить по кнопкам.

«Минута до финиша», – скучающе тянет Верхайн, расслабившийся после уничтожения вражеских кораблей.

– Цель на пятой оси, – мстительно хмыкает Архейн, улыбаясь во все двадцать два зуба.

Следующие тридцать секунд Верхайн от души и в закрученных выражениях рассказывает обо всех возможных направлениях, в которых может пойти Архейн за такие шуточки. Африканский сип, которого дважды чуть не поразил лазер, выглядит страшнее всех кошмаров Верхайна. Перепуганная, но невредимая птица стремительно пикирует вниз. Красный круглый шаттл с белой цифрой «шесть» на боку успешно приземляется на летной платформе.

– Думаешь, сдали? – стена отъезжает в сторону, впуская голос, больше не искаженный приемником. Верхайн смотрит горящими глазами на Архейна, предвкушая получение диплома и праздничную попойку.

– Увидим, – лаконично цокает Архейн, убирая ремни безопасности.

Он немного разминает напряженные плечи, постукивает семью пальцами по зажатым мышцам, растирает шею и наконец поворачивается к выходу. Верхайн уже выпрыгивает наружу, не дожидаясь развертывания трапа. В шаттле сразу становится шумно. Десятки голосов врываются через распахнутую дверь, сплетаются в омерзительную какофонию звуков. Низкие и грубые, высокие и встревоженные, но абсолютно все говорящие на разных языках:

– НЛО было замечено над Архангельской областью...

– НЛО пролетело над Калифорнией...

– НЛО обнаружено в провинции Гуаньчжоу...

Архейн морщится, выхватывая из потока знакомые названия и слова. И чего этим людям хочется говорить на стольких языках? Не легче ли использовать один международный? Вот у зирков...

– Эй, Арх, вы как? – Виллан радостно забрасывает на бледную шею Архейна одну из фиолетовых щупалец. – Мы завалили!

Виллан так и сияет от восторга, пока бледный рыжеволосый Зигглун, следующий за своим стрелком, все еще бормочет себе под нос.

– Полный провал... нет, я смогу пересдать... феерическое невезение, почему именно стрелок с планеты Дуглук... я пересдам, пересдам! – все громче и громче ругается Зигглун, не обращая внимания на Архейна с Вилланом.

– Драхам, отойдите все от него, он сейчас разлетится, –

тщякает Виллан, утягивая Архейна на несколько шагов назад. Ближайшие студенты спешно отходят подальше.

Зигглун хватается за голову, болезненно шипит, вцепившись зубами в ворот тренировочной формы. Все его тело дрожит, трясется, расплывается. Два Зигглунна стоят спиной к спине, съезжившись от дискомфорта.

– Эт-то т-ты винова-ват! – выдавливает слова левый Зигглун. – Драхамов идиот, куда меня теперь возьмут, если ты завалил такой простой экзамен?! Ты драха...

– Да заткнись ты! – злобно рычит правый Зигглун, хватывая из-за пояса плазменный бластер. Кажется, что тянутся к оружию они одновременно, но правый оказывается на шаг быстрее. Вскоре на месте левого Зигглунна остается лишь некрасивая сероватая лужа, которую быстро запихивает в совочек подъехавший робот-уборщик.

– Двенадцатый раз за эту неделю! – возмущается Зигглун, складывая руки на груди.

– А ты поменьше ругайся с собой, так и не будешь разлетаться, – советует Архейн, улыбаясь уголками губ.

– Пф, – давится смехом Виллан. – Он еще сдержанный горейн. На той неделе один из них разлетелся, потому что не мог выбрать булочку в столовой!

Виллан хохочет во весь голос, привлекая к себе внимание. Зигглун прищелкивает длинным раздвоенным языком и высокомерно топчет своими восемью ногами подальше от идиота-напарника.

– Идешь на выход, Виллан? – спрашивает Архейн, шагая в сторону длинных скамеек, окруженных со всех сторон плазменными экранами.

– Нет, конечно! – возражает Виллан и уверенно идет за другом. Впрочем, что бы вы о нем ни утверждали, он будет делать и доказывать обратное. Как и любой другой дуглукуанец.

– Вросемьдесят третий, пяртьсот шрестой, триста тринадцатый на врыход, – прокатывается по залу рык сгорбившегося мужчины с щупальцами вместо бороды. – Трысяча прятый, тридцать древятый, дрвести дрвадцатый троже. Прятьсот шрестой я срказал врам... а, это вы. Трогда орстаньтесь, прятьсот шрестой.

Незнакомый дуглукуанец наконец встает с места и отправляется вслед за своим пилотом. Цифры вылетают как очередь древнеземного пулемета, как только преподаватель останавливается у очередного плазменного экрана. Студенты выходят, выползают, выпрыгивают из кабинета с разными эмоциями. Кто-то рыдает, кто-то ругается на всех известных земных языках, кто-то бездумно режется в стену, и лишь дуглукуанцы выходят с неподдельным счастьем на лице.

– Древятый, – прищелкивает языком Леврус Врелуровий, словно испытывает особенное удовольствие от провала этого студента.

Фигура в черном тренировочном костюме встает с первого ряда, заставляя всех смолкнуть. На лице Фредера ни од-

ной эмоции, лишь кулаки сжаты слишком крепко и подрагивают от напряжения. Он молча строевым шагом идет к выходу.

– Нет, стойте, профессор Врелуровий, это не девятый. Это мой корабль вверх ногами, – голос Архейна разрушает тишину вместе с раздражающим скрипом скамьи по полу. Он и сам не знает, зачем вскочил с места и вступился за Фредера – все прекрасно видели, что его корабль красный, а не темно-синий, как тот, что на экране с огромной цифрой девять на боку.

Лицо Левруса становится еще уродливее, когда щупальца приходят в движение.

– Эрто мраршрут три трысячи три срта три. Вры разве лретери про нрему? – практически плюется словами Леврус, высасывая взглядом жизнь не только из Архейна, но и из всей аудитории разом.

– Я не летел по этому маршруту, профессор, – тут же останавливается Фредер, выпрямляя спину. – Мои маршруты были сто пятый, восемьдесят седьмой и тысяча третий над Землей.

Давление и вытягивание энергии мгновенно прекращается, когда преподаватель берет себя в руки.

– И не мой, – тут же вздыхает Архейн.

Новостные программы с Земли сменяются картой экзаменационных полетов.

– Вросемьдесят шрестой! – объявляет Врелуровий, быст-

ро просмотрев маршруты и номера сдающих стрелковую и летную подготовку.

Карты исчезают, и симпатичная женщина-диктор снова начинает эмоционально вещать о теориях заговора, которые никого из студентов не интересуют. Каждый из них лишь возносит молитвы, чтобы их шаттлы не попали на дьявольские камеры землян.

Два коротышки-корга из восемьдесят шестого шаттла тцыкают длинными языками и выходят из зала так, будто они члены королевской семьи, а не завалившие экзамен. Архейн с тихим шлепком падает на скамью, неловко потирая лоб и поглядывая на пилота с номером девять на спине. И чего он вылез? Тем более ради Фредера. Особенно ради Фредера. Тот скорее удавится, чем примет чью-то помощь.

– Архейн, че ты пялишься на Вечную двойку? – достаточно громко шепчет Верхайн, сидящий позади.

Архейн лишь дергает плечом, отводя взгляд в сторону. Вечная двойка, а не Фредер. Вот как зовут самого выдающегося студента летной академии за последние семь лет. Зовут по его, Архейна, вине.

– Срто тридцать средьмой!

Архейн морщится от резкого похлопывания щупальцем по плечу. Со своим своеобразным пожеланием «провалиться как можно скорее» Виллан уходит вместе с ворчащим Зиггланом. Через какое-то время в коридоре снова слышится выстрел.

– Осталось сдать рукопашку, и мы будем бороздить просторы космоса! – Верхайн пересаживается на освободившееся место, нашептывая прямо в ухо Архейна.

– Угу, – без энтузиазма откликается Архейн. – Если этот не завалили.

– Да с твоими талантами... – восторженно шепчет Верхайн и осекается, с тревогой всматриваясь в лицо Архейна. Тот лишь поджимает губы и отворачивается, совершенно не желая продолжать эту тему. Из всех семей галактик родиться в семье генералов – действительно талант. Больше стрелок и пилот шестого корабля не разговаривают, в молчании ожидая своего провала или победы.

– Как думаешь, Вечная двойка умрет от зависти, когда Архейн займет место первого пилота маршала? – восторженный шепоток доносится с сидений на три ряда левее.

Архейн щурится, но вмешаться в чужой разговор не может.

– Конечно, умрет. Даже третьим быть не так обидно, как вторым.

– А что, если он и правда умрет? Я слышала, что зороки...

– Ты веришь в эти глупости? Разве бы не умирали они тогда ежедневно?

– Зороки действительно умирают, если не могут исполнить свою заветную мечту. – Верхайн влезает в разговор настолько громко, что профессор Леврус не выдерживает и бросает в группу болтушек свою любимую обездвигиваю-

щую ловушку:

– Ерсли врас нре вrolнуют результаты, тро проваливайте!
Все три девушки успевают увернуться с громким визгом.

Архейн морщится, но решительно пользуется предложением преподавателя. Он уверенно выходит из кабинета, лоя на себе изумленные взгляды. Да-да, первый ученик может позволить себе быть хулиганом перед самым выпуском. Первый. Первый. Первый. Во всем и всегда. Вот что значит сын имперского генерала. Никаких ошибок, никаких недоразумений, никаких неудач – идеальный сын генерала. Фальшивый сын генерала. Кому как не Архейну знать, сколько тестов он заваливал специально? Кому как не ему знать, сколько раз он делал все, чтобы быть отчисленным, но не получил ни одного наказания. Вечная двойка – вот кто на самом деле первый. И, кажется, это давно ни для кого не секрет.

Архейн недовольно поджимает губы, желая пнуть что-нибудь тяжелое и заработать себе перелом. Или лучше сразу десяток, чтобы наверняка не сдать рукопашный бой. Он ведь даже при всем классе нагло списывал! А засчитали высший балл, хотя Архейн не дал ни одного верного ответа. Зубы стучат друг о друга от ярости, но он перепробовал уже все идеи. Осталось разве что умереть при сдаче экзамена.

– Да сколько же можно... – возмущенно пинает стену Архейн на глазах у робота-сторожа. Тот сканирует его и сразу же отворачивается. Естественно, его обязательно внесли в список исключений.

– Вам стоит вести себя приличнее, герр Архейн, – подавленное раздражение, знакомые ядовитые нотки и попытки выплюнуть его имя вместе со своими органами. Кто же это как не многоуважаемая профессор Лоуэл?

– А если не буду, то отчислите меня? – в юношеском голосе мелькает горечь вперемешку с надеждой.

Кэллин Лоуэл совсем невежливо скользит всеми восемью глазами по Архейну, будто уговаривая его раствориться, исчезнуть, как пятно на полу. Профессор Лоуэл кривит губы, но отвечает:

– Отчислю. С отличием, – в словах проскальзывает мстительная угроза, как будто Кэллин видит его насквозь. Видит все его потуги и попытки завалить, но ничего не может с этим сделать. – Через три часа у вас последний экзамен. Будем рады выпустить такого пилота.

Ни капли уважения, но в радости можно утонуть. Конечно, все вздохнут с облегчением, когда последний бездарный отпрыск генерала покинет их стены. И будет выслан на дальние границы Зоны А, чтобы не отсвечивать. Иногда ради поддержания образа ему дадут покрасоваться на шаттле, а затем снова запрут где-нибудь подальше. С глаз долой и в космос вон. Завалить, завалить, завалить. Как же до зуда в сердце хочется просто завалить!

– Напоследок академическое имущество уничтожаешь? – глубокий холодный голос выводит Архейна из транса, заставляет ногу прекратить продалбливать дыру в стене. –

Профессор Лоуэл.

Преподавательница мягко кивает подошедшему Фредеру, а сама скрывается за ближайшей дверью. Сразу видно: «беспристрастный» профессор и ее любимый ученик.

– Угу, – неохотно отвечает Архейн, собираясь последовать плану профессора и слинять подальше от Вечной двойки.

– Зачем влез? – Фредер смотрит остро, пронзительно, словно наводит на него прицел.

– Просто, – фыркает Архейн.

– Просто не лезь больше, Вечная единица, – Фредер оставляет свою язвительность каплями ядовитых слов в чужом сердце, но уходить не спешит.

– Эй, Фредер. Почему ты хочешь быть первым? – внезапно делает шаг вперед Архейн, никогда ранее не пытавшийся заговорить.

– Потому что у меня есть мечта.

– Мечта? Какая?

– Тебя не касается.

– По-моему, меня касается в первую очередь, – тихо шепчет Архейн в чужую спину, пощелкивая седьмым и шестым пальцами от раздражения. – Разве ты не хочешь жить?

Фредер не оборачивается, скрываясь за дверью тренажерного зала. Нет ни единого шанса, что он не услышал этот вопрос.

«Зороки действительно умирают, если не могут испол-

нить свою заветную мечту».

Архейн кривит губы, продолжая щелкать пальцами. Как можно умереть из-за мечты? Разве не глупо жить только ради какой-то одной цели? Идти к ней, страдать, ломаться раз за разом, собирать себя по частям, чтобы однажды столкнуться с кем-то вроде него и потерять все? Просто не повезло. Одна маленькая неудача – и весь твой мир, вся твоя жизнь теряет смысл, уничтожается, исчезает. Так зачем зороки, люди, археймы, нгулуки и тысячи других рас живут в надеждах и мечтах? Не лучше ли просто жить не мечтая?

Архейн пинает очередную стену. Дверной замок молниеносно сканирует его вытянутое тело, издавая приветственную мелодию.

– Ну как? Сдал? – прилетает настойчивый вопрос, когда дверь только успевает чуть отъехать в сторону.

– Угу.

– Счастливый, – завистливо тянет Уиллоухэйм, потягиваясь на кровати. – А я вот динамику завалил.

– Как? – живо интересуется Ахрейн, не позволяя надежде слишком сильно трогать сердце.

– Да как-как. Просто не смог ответить на тридцать восьмой вопрос в билете. Не понимаю я все эти крепления-нудения...

– Тридцать восьмой – это динамическое соединение шаттлов в межзвездном пространстве? – удивленно приподнимает глаза Архейн. – Садись, я покажу.

– Откуда ты знаешь, какой вопрос идет под этим номером?! Вы ведь практически не изучаете динамику... – неподдельное удивление вместе с возмущением звучат в крике Уиллоухэйма.

Архейн лишь едва заметно ухмыляется в ответ. Его быстрые пальцы ловко хватают планшет и тонкую магнитную-кисть, выводят четкие ровные линии внутреннего устройства шаттла. Мягким уверенным тоном он рассказывает о способах соединения, как это происходит в шаттле на самом деле и где борт-механика может ожидать подвох. Он все говорит и говорит, вспоминая, как это было еще после робомехов, почему от них отказались, и заканчивает предложением совершенно нового способа стыковки. Уиллоухэйм смотрит на соседа все с большим ужасом и восхищением одновременно.

– ...это уменьшит потери от космических перемещений и создаст непрерывную связь.

– Арх, у тебя экзамен через десять минут, – перебивает Уиллоухэйм, выдирая планшет из четырнадцати цепких пальцев. – Спасибо, я правда впервые все понял. И откуда ты столько знаешь? Ты ведь не конструктор.

Архейн замирает на какое-то время, становясь похожим на серую безжизненную статую своего отца, которая украшает собой все главные площади приграничных городов. «Не конструктор» стучит в голове, отдается какой-то тоской. Не конструктор, не конструктор, не конструктор. Может быть,

в этом проблема?

– Уи, у тебя есть мечта? – Архейн поджимает губы, задавая этот вопрос. Он словно борется с собой, спорит глубоко внутри, но совсем не может разлететься, как горейн, чтобы унять внутренние сомнения.

– Мечта? Я просто мечтаю поскорее выпуститься, устроиться на работу и немного пожить в свое удовольствие. Ну и, может, когда-нибудь изобрести что-нибудь такое великое, чтобы все Межмирье меня помнило. – Уилоухэйм смущенно потирает розоватую от смущения щеку.

– Ясно. – Архейн выдыхает и задумчиво поднимается с кровати.

– А ты?

– Я мечтаю никогда не стать военным пилотом, – шепчет Архейн, испытывая странное чувство, которому у него нет названия. Что-то очень похожее на теплые радужные пузырьки, расплзающиеся по всему телу.

Дверь за его спиной закрывается, оставляя потерянного Уиллоухэйма переосмыслять динамику.

Коридор в этот раз гудит десятками голосов, как довольных, так и не очень. Кто-то идет с экзаменов праздновать успех, кто-то рыдает, разлетается или бьется головами о стену. Впрочем, последних быстро ловят роботы-сторожи. Дуглуанцы тем временем хвастаются друг другу, кто сколько экзаменов завалил. Архейн фыркает, наблюдая за их танцами счастливых щупалец, представляя разочарование и

вопли, когда они все получают аттестаты. Ведь чтобы подчистую завалить – нужно знать все верные ответы.

– Опоздываешь, – раздраженно рыкает Кэллин Лоуэл, пронзая его нескромную персону множественными взглядами.

– А опоздание считается поводом для несдачи экзамена? – слабо улыбается Архейн, медленно переступая порог.

– В твоем случае нет, – сжимает губы в тонкую полоску профессор Лоуэл.

– Жаль, – тихо шепчет Архейн, облакачиваясь на преподавательский стол.

– Мне тоже, – громко отвечает Кэллин, вызывая улыбку своего студента.

– Я хочу бой с Вечной двойк... Простите, с герром Фредером, – быстро вставляет свое слово Архейн, пока ему не успели назначить самого слабого противника.

– Вытягивай поле, – с едва заметной улыбкой кивает профессор.

Архейн впервые улыбается так искренне и ярко, нажимая синюю кнопку возле экрана. Неважно, какое выпадет поле, неважно, какое оружие. Если он проиграет это сражение, то никто не посмеет поставить ему зачет. Как хорошо, что профессор его ненавидит. Как замечательно, что Фредер не проиграл ни одного сражения.

– Зона А, планета двести восемьдесят тысяч девяносто первая. Бой без оружия, – нежный голос искусственного ин-

теллекта обволакивает, заставляет улыбаться уже от уха до уха.

– Архейн, Фредер, кабины шесть и девять, – растягивает слова, как музыку, профессор Лоуэл, празднуя первый в этой академии провал генеральского сына.

Архейн силится подавить улыбку, но ничего не может с собой сделать. Он проходит рядом с девятой кабиной, запинаясь о торчащую трубку и в сгустившейся тишине летит на пол. Никто не смеется. Лишь Фредер подозрительно щурится, пытаясь понять, показалось ему или... Архейн с растерянным видом поднимается и неловко улыбается. Фредер высматривает признаки нервозности, увиливания, но не находит ничего, поэтому молча заходит в свою кабинку. Архейн прищелкивает шестым и седьмым пальцами, восхваляя свое актерское мастерство. Маленькая зеленая лампочка под капсулой больше не горит.

К своей кабине он идет пружинистым шагом, подпрыгивая от восторга. Остальным кажется, что Архейн слишком нервничает, боится не сдать, хоть и сам вызвал на бой Вечную двойку. В двух шагах от входа Архейн приседает, старательно стряхивая пыль с сапог. Кэллин Лоуэл недовольно закатывает все четыре пары глаз, продолжая раздавать партнеров и планеты для спаррингов. Зеленая лампочка тухнет. Красная кнопка оказывается вдавленной.

Архейн улыбается ловкости своих пальцев и скрывается в кабине. Быстро вводит несколько команд, меняя режимы

битвы. Шлем, который он должен был надеть, опускается, а куча свисающих проводов исчезает где-то в стене. На их месте появляется стенд, обитый мягкой тканью, точно повторяющий контуры тела зирка. Архейн занимает свое место, чувствуя, как его плотно сжимают и разжимают валики. Шлем опускается на голову, заставляя мир перед глазами бледнеть и покрываться черной пленкой пустоты. Мягкий голос провозглашает Архейна:

– Зона А, код планеты А03245, бой без оружия. Уровень отдачи сто процентов.

Архейн крепко сжимает губы, оглядывая мусорную свалку вокруг. Раскуроченные детали шаттлов парят в разреженной атмосфере, торчат из земли, придавленные камнями, поскрипывают от каждого движения внезапного гостя. Архейн хмурится на этот скрип, а затем прислушивается. Скрип раздается только вокруг него самого и с юго-восточного направления. В глазах мелькает догадка, и Архейн отскакивает со своего места, уворачиваясь от чужого прыжка.

Звон и скрип повторяются. Он возмущенно тцыкает, щелкая шестым и седьмым пальцами. Не спрячешься, не скроешься, не устроишь ловушку. Отвратительная планета, которая все время оставляет тебя на виду, заставляет двигаться и биться в полную силу. Ему бы стоило поставить отдачу на восемьдесят процентов, в таких условиях можно ведь и умереть. Конечно, тогда он и правда завалит, но...

Фредер нападает молча, быстро, смертоносно. Удары ле-

тят под всевозможными углами, пытаются достать до тела, но Архейн пока успевает уклониться, даже не пытаясь атаковать. Пригнуться, перекатиться, отпрыгнуть. Попытаться пнуть ногой, но получить удар самому. Боль молнией проходит по левой руке, отдается в шее. Фредер не сдерживается, продолжая бить точно, метко и мощно. Пинок, подсечка, удар снизу наискосок. Архейн ногой впечатывает Фредера в обломок фюзеляжа.

– Мягкоплан, – отстраненно шепчет Архейн.

Это отвлечение приносит ему удар в живот и рассечение левой руки о надломленный дистанционный манипулятор. Архейн скрипит зубами, но снова пытается перейти в наступление. Удары летят со всех возможных направлений, достигают тело врага и вспарывают воздух. Кажется, что драка длится целую вечность, когда прошло едва ли пять минут. Раны болезненно тянут, замедляют скорость реакции, кровоточат, заставляют слабеть.

Архейн уже готов сдаться, проиграть первым, но этого все еще недостаточно. Он видит чужие движения, считывает наперед, знает силу и скорость. Тело напряженно сжимается, готовясь ускользнуть от кулака. Вместо этого он подставляет плечо. Архейну кажется, что он умирает. Кабина надрывно воеет, перед глазами противника больше нет. Боль, зубодробительная, разрывающая настолько, что невозможно дышать. Архейну в принципе больше не хочется дышать. И видеть мир тоже. Только треклятый шлем продолжает подавать

бодрящий газ, чтобы он не терял сознание. Теплая, густая зеленая кровь сочится между пальцев, тихо впитываясь в мягкую обивку стенда.

– Драхама тебя через дивизион! – рычит Фредер, врывается в кабину. Он набирает комбинацию команд и бережно вытаскивает Архейна из объятий стенда.

Профессор Лоуэл бледнеет, как только замечает кровь и устройство, которым пользовался Архейн. Устройство, предназначенное для тренировки военных, а не сдачи экзамена.

Архейн еще чувствует, как руки, пытавшиеся ранить сильнее, бережно поднимают его повыше и укладывают на металлические носилки робота-медика. Ему кажется, что тяжелый взгляд прожигает в нем огромную дыру ненависти до тех пор, пока сознание не отключается.

Приходит в себя он уже в помещении с тошнотворно зелеными стенами, увитыми десятками растений с разных планет. Морщится, кривится, пытается пошевелить руками, но быстро понимает, что одна из них от кончиков пальцев до надплечия зафиксирована в исцеляющей капсуле. Две белые пластины с множеством проводов-ниточек оплетают его рану, укутывают в ритмично вздымающийся кокон, который кажется живым организмом. Архейн быстро отворачивается, пытаясь изгнать из памяти этот образ. Хочется закрыть глаза, забыть про боль, про мерзкую капсулу, но вместо этого он натывается на мрачный взгляд восьми фиолетовых глаз.

– Очнулся? – шипит Кэллин Лоуэл.

Раздражающий вопрос, в ответ на который больше всего хочется повторно потерять сознание.

– Как видите, – устало огрызается Архейн. – Завалил?

– Ты чуть без руки не остался, а не завалил! Чем ты думал, включая военный режим?! – рычит обычно сдержанная профессор, закатывая четыре пары глаз.

– Я ведь только для себя, Фредер же не пострадал. – Архейн возмущенно смотрит в потолок.

– Не пострадал? А ты думаешь, его не обвинят в том, что он навредил тебе? Думаешь, его диплом – такая же шутка, как и твой?

– Но ведь я все сам сделал! Целый кабинет свидетелей...

– А кто докажет, что вы не были в сговоре?

– У вас же есть видео с камер. Когда я упал возле девятой кабины, то отключил синхронизацию режимов, когда отряхивал сапоги – отключил синхронизацию и безопасный режим шестой кабины. Вы ведь это все и так знаете, верно? – Архейн задумчиво щурится, все же поворачиваясь к преподавательнице.

– Знаю. А теперь у меня еще есть и запись твоих слов, если вдруг ты передумаешь признаваться, – улыбается Кэллин, кивая на ручной коммуникатор.

– Так, может, мне заодно наговорить про то, как мои родители все это время покупали для меня первое место?

– А вот про это не надо, иначе нашу академию совсем за-

кроют, – тихо фыркает Кэллин, отключая запись.

Сейчас строгая профессор Лоуэл кажется на десяток лет старше. Или она всегда такой была, но Архейн просто не замечал?

– Ты настолько хотел завалить экзамен?

– Да. Если я не стану лучшим студентом, то меня не отправят первым пилотом к маршалу.

– Лучшим студентом? Архейн, ты вообще не получишь лицензию пилота. Даже межзвездного.

– Не получу? – Архейн удивленно приподнимает глаза, в которых проблескивает неуверенная, но яркая надежда.

– Шестнадцать переломов, три из них открытых. Останутся длинные полосы шрамов. Ты больше не сможешь летать. Никогда.

– О, – глупо улыбается Архейн, пытаюсь пошевелить пальцами левой руки. Проводочки-ниточки возмущенно пищат. Если бы он вспомнил про шрамы раньше, то не пришлось бы так долго выдумывать способы завалить. Разок неудачно упал и все – свобода.

– Похоже, ты действительно рад, – выдыхает ни то с облегчением, ни то с возмущением профессор Лоуэл.

– Ага, – довольно улыбается Архейн, а затем замирает, спрашивая весьма неуверенно: – Родители знают?

– Вылетели из Зоны В.

Архейн мысленно подсчитывает, сколько дней его семье понадобится на дорогу. Выходит что-то около трёх.

– А Фредер? – с опаской задает вопрос Архейн.

– Что Фредер?

– Он ведь сдал, да? Теперь станет первым пилотом маршала? И не умрет, да?

– Сдал, конечно, – фыркает Кэллин Лоуэл. – И пилотом станет, если ты не будешь мешать. А вот умирать-то ему зачем?

– А как же мечта и зороки, которые умирают без нее? – Архейн морщится, вспоминая всевозможные слухи.

– Его мечта исполнилась три месяца назад, но не так, как он того хотел. – Лоуэл печально прикрывает все восемь глаз и отводит взгляд в сторону. – Ты слышал, что он заявлялся на смену номера шаттла на девяносто шестой?

Архейн отрицательно машет головой.

– Его родители... их родители погибли, когда Фредеру было пять. Конечно же, я присматривала за братьями после. Пусть Дрефер и пытался сделать все сам. Двенадцать лет большая разница, но что может дать семнадцатилетний ребенок другому ребенку? Дрефер старался как мог: подрабатывал утром, занимался с Фредером вечером и учился ночами... – Профессор Лоуэл вздыхает и совсем недолго молчит. – Шаттл номер девяносто шесть был уничтожен во время усмирения бунта в Зоне С три месяца назад. Пилотом был Дрефер.

– Значит, первый пилот маршала... – Архейн не может заставить себя произнести имя. Будто бы его молчание спо-

собно вернуть мертвых к жизни.

– Был братом Фредера, – безжалостно подтверждает профессор Лоуэл.

– Фредер хочет занять его место? Нет. Не так. Он должен занять это место. – Архейн прищелкивает седьмым и шестым пальцами здоровой руки, начиная ерзать на койке. Ему хочется сорваться, сбросить исцеляющую капсулу и прямо сейчас бежать к директору, маршаллу, отцу, хоть кому-то! Что-нибудь сделать, доказать, что Фредер лучший пилот и...

– Он никогда не хотел места брата, пока тот был жив. И сейчас вряд ли думает, что сможет его заменить, – качает головой Кэллин.

– Скорее прикоснуться к тому, чем жил Дрефер, на чем летал. Быть не вместо, но рядом, – тихо шепчет Архейн, вспоминая свои детские попытки пробраться в шаттл старшего брата. Не пилотировать его, нет. Сделать лучше, найти уязвимость и залатать ее, сделать полет плавнее, быстрее, эффективнее. Почувствовать то же небо, оставаясь на земле.

– Мне казалось, что вы никогда не поймете друг друга. А, оказывается, ты способен понять его быстрее, чем я, – усмехается Лоуэл, покачивая головой. – Он не умрет, если новая мечта не исполнится – ритуал позволяет связать свою жизнь только с одной. Просто Фредер никогда не думал, что она исполнится в двадцать пять лет. Догадаешься?

Архейн отрицательно качает головой.

– Он всегда хотел, чтобы брат гордился им. Больше сот-

ни писем Фредер получил после смерти Дрефера. В каждом письме – прощание и гордость, напутствия и обещание, что он выживет. И только в последнем письме ложь, ведь он не вернулся.

Архейн поджимает губы и отворачивается к стенке. Гордился. Дрефер однозначно гордился Фредером. И разве могло быть иначе? Фредер всегда все делал серьезно: учился, летал, помогал другим. Было бы лучше, если бы Фредер родился в генеральской семье Архейна. Так все бы были счастливы?

Архейн бы тоже хотел, чтобы им кто-нибудь гордился. Не считал идиотом, ни на что не годным. Не думал, что он бесполезная трата времени и ресурсов. Не решал, что он может быть хорош только как картинка, фальшивый образ успешного пилота из успешной семьи. Капсула пищит, втягивает свои омерзительные белые проводочки, отпускает исцеленную руку с тремя продолговатыми шрамами.

– Надеюсь, об этом разговоре ты не станешь трепаться, – цокает профессор Лоуэл, складывая руки на груди.

– Я хочу собирать корабли. Шаттлы, мягкопланы, крейсера, мехи, дальнолеты. Хочу собрать их все, сделать такие, какие никто не делал. Хочу восстановить девяносто шестой шаттл третьей союзной армии, – шепчет Архейн, сжимая и разжимая пальцы вновь здоровой руки. – Хочу летать не в кресле пилота, а в частичке каждого созданного мной механизма.

– Тогда лети, – улыбается профессор Лоуэл, ободряюще похлопывая Архейна по плечу. Она уходит первой.

Архейн какое-то время разглядывает три бледно-зеленые борозды на левой руке, и странное чувство пузырьков в груди возвращается. Он выходит в коридор, и тот впервые кажется ему таким родным и уютным. Кажется, что вся академия теперь пропитана легкостью и радостью, а не беспросветной тоской. Кажется до тех пор, пока через три дня не прилетают они. Родители и старший брат.

– Три открытых перелома, – тцыкает Орлейн, покачивая головой. – Серьезно? Это того стоило?

– Мгм, – коротко мычит Архейн, не желая объяснять одно и то же в тысячный раз.

– Была бы здесь сестра...

– То сказала бы «уже такой большой, а дурь как у трехлетки». Я в курсе, – огрызается Архейн, вместо выпускного подпирая спиной стену у директорского кабинета. – Я всего лишь отказался от ваших желаний, а не умер.

– Ты...

– До встречи, директор Гллингхулл, – мягкий журчащий голос доносится у самой двери за секунду до ее открытия. Вежливый и жизнерадостный вид женщины сменяется поджатыми губами, полным обиды и возмущения взглядом. Несколько мгновений она пытается заставить своего сына утонуть в чувстве вины, но Архейн даже не пытается выглядеть покорным или провинившимся.

– Мама, – первым проявляет вежливость виновник семейного столпотворения. – Отец.

– Нет повода для ссоры, – крепко сложенный мужчина поправляет застёжку нагрудного кармана и похлопывает сыновей по плечам. – Диплом ты не получишь.

Архейн спокойно кивает. Зачем ему диплом, полный фальшивых отметок?

– Ты. Будешь. Переведен. На четвертый. Курс. Конструкторов, – обиженно расставляет слова в предложение мама. – Неблагодарный ре...

– Эллейн, – обрывает причитания жены генерал Мурлейн. – Я видел записи с камер. Академии и Фредеру обвинения не будут предъявлены. Ты выбрал свой путь сам, теперь не жди от нас помощи.

Архейн кивает как заведенный болванчик, совершенно не вслушиваясь в слова. Какая разница, помогут ему или нет? Какая разница, что он будет учиться с теми, кто младше и отстанет от успехов своих однокашников? Он будет конструктором! Архейн готов плясать джумбу, петь гимн Империи, обнимать каждого встречного, даже если никогда не танцевал, совершенно не умеет петь и ненавидит лишние прикосновения.

«Тогда лети» теплом и мягкими пузырьками расплзается в груди, опоясывает кожу, приподнимает уголки губ. Кажется, это чувство называется счастье.